

НОРМАТИВНОСТЬ, ЭКСПЕРТИЗА И ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ ПАТЕРНАЛИЗМ В ФИЛОСОФИИ НАУКИ. ОБЗОР НОМЕРОВ ЖУРНАЛА «МЕТАФИЛОСОФИЯ»

Костина Алина Олеговна – кандидат философских наук, младший научный сотрудник. Институт философии РАН, Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: akostina@mail.ru

Журнал «Метафилософия» уже почти 50 лет публикует исследования по широкому кругу философской проблематики – от фундаментальных вопросов онтологии, эпистемологии и философии науки до прикладных исследований в области этики, технологии и STS. В центре внимания данного обзора статьей журнала находится ряд актуальных вопросов, ставших краеугольными для исследований по эпистемологии, философии и методологии науки и STS. Фокусом становятся проблемы установления и переосмысления нормативности философии науки, связанные с поворотом к реальной научной практике; анализируется возможная судьба «кабинетного философа» и принципа *ex cathedra*; устанавливаются проблемы злоупотребления в философских теориях научными данными и выясняются обстоятельства, при которых экспериментальная философия подрывает авторитет философской экспертизы; проясняется, как эпистемологический патернализм может быть практикой научной добродетели.

Ключевые слова: эпистемология, философия науки, методология науки, нормативность, метанормативность, экспериментальная философия, экспертиза, эпистемологический патернализм

NORMATIVITY, EXPERTISE AND EPISTEMOLOGICAL PATERNALISM IN THE PHILOSOPHY OF SCIENCE. A REVIEW OF THE JOURNAL “METAPHILOSOPHY”

Alina O. Kostina – PhD in Philosophy, junior research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation. e-mail: akostina@mail.ru

For almost 50 years the journal *Metaphilosophy* has been publishing research on a wide range of philosophical issues from the fundamental questions of ontology, epistemology and the philosophy of science to applied studies on ethics, technology and STS. The following review focuses on a number of key questions that have become the stumbling block for investigations in epistemology, philosophy and methodology of science and STS. The spotlight here is on the issues of reestablishment of normativity in philosophy of science, related to the PSP turn; new perspectives on the “armchair philosophy” and the *ex cathedra* principle; the misuse of scientific data by the philosophers of science; experimental philosophy and the “undermined” authority of philosophical expertise; and also we’ll find out how epistemic paternalism may become a virtue of research practice.

Keywords: epistemology, philosophy of science, methodology of science, normativity, metanormativity, experimental philosophy, expertise, epistemological paternalism

Введение

В статье «Философское использование и злоупотребление наукой» среди ряда принципиальных различий между научной и философской практикой говорится о том, что в основе их лежат разные принципы функционирования: наука – это «коллективное самокорректирующееся предприятие» [Kingsbury, Dare, 2017, p. 457], а философия, напротив, царство «одинок», редко практикующих коллективные исследования и воспринимающих все «идеи как свои» [Kingsbury, Dare, 2017, p. 457]. В противовес этому можно сказать, что научные издания философской тематики становятся полем, на котором философы также в ходе полемики и обсуждений объединяются, а философия становится «самокорректирующимся предприятием». Одним из примеров такого поля является журнал «Метафилософия». В обзоре будет рассмотрен ряд статей данного издания и актуальные вопросы представленных в нем исследований. Одним из первых рассматриваемых вопросов станет проблема переопределения нормативности в философии науки в связи с ее практическим поворотом. Основательно написанная статья М.И. Кайзер становится отправным пунктом для рассмотрения последующих задач, связанных с узловыми проблемами использования эмпирических данных наук в философских теориях Д. Кингсбери и Т. Дэра. Проблема экспериментальной философии, раскрывшей методологический кризис использования интуитивных убеждений, приводит к постановке масштабного вопроса о природе философской экспертизы и ее состоятельности. Одной из граней рассмотрения экспертизы оказывается радикальный пересмотр понятия эпистемологического патернализма, который заставляет обратить внимание на прикладные этические вопросы философской эпистемологии.

Нормативность философии науки

В статье «Нормативность в философии науки» Мари И. Кайзер пытается переосмыслить нормативность, связывая эту необходимость с происходящим на протяжении последних десятилетий «практическим поворотом» в философии науки. По описанию Л. Солера, этот процесс представляет собой «переход от нормативной к дескриптивной перспективе науки» [цитир. по Kaiser, 2019, p. 37], означает отход от принципа *ex cathedra* и традиционных нормативных теорий науки, конструирующих модели ее идеального функционирования. Этот поворот перемещает фокус с научных результатов на научные процессы. Также и эпистемология с априорного теоретизирования перемещается

в область новых практических вопросов. Как результат, перед исследователями встанут новые задачи анализа, в том числе эпистемической структуры, социального контекста и материальных аспектов научной практики.

Практический поворот не означает отхода от нормативности, но приводит к ее переосмыслению. При этом проделанный дескриптивный анализ становится основной для нормативных рекомендаций о принципах функционирования науки, выбора «удачных» иллюстративных примеров и успешных стратегий науки. Результатом такого переосмысления для Кайзер становится разделение нормативности на три вида: *метанормативность*, *методологическая нормативность* и *объектная нормативность*.

Поскольку философия науки выдвигает нормативные требования к исследуемому элементу науки, они и становятся основанием для метанормативности, вырастающей из самой философской теории. Как утверждает автор, нормативные требования могут иметь оценочную окраску и указывать на ценность того или иного элемента, быть основанием оценки в категориях «хорошо/плохо», «верно/неверно». Помимо этого нормативные требования могут иметь предписывающий характер с рекомендациями по оптимальным стратегиям исследования.

Остается ли метанормативной философия науки, принимающая в расчет научную практику? Автор дает утвердительный ответ, указывая на фундаментально нормативную природу философии науки. От чего же приходится отказаться, когда нужно брать в расчет реальную научную практику? От *ex cathedra* нормативности, которую еще называют «внешней философией науки» [McMullin, 1970, цитир. По Kaiser, 2019, р. 43] и того ее образа, где философы выступают в качестве «эпистемологического суверена» [Rouse, 2002, цитир. По Kaiser, 2019, р. 43], «философских королей» или «философской полиции» [Sober, 2008, цитир. по Kaiser, 2019, р. 43] – всего, отрицающего реальную научную практику.

«Философия науки, стремящаяся прояснить и точно описать определенный элемент научной практики даже при использовании только фактических утверждений о науке имеет нормативный характер» [Kaiser, 2019, р. 44] – это и является «методологической нормативностью», неизбежно включающей в себя нормативные предпосылки.

Философия науки имеет второпорядковый характер по отношению к самой науке: она изучает научные процессы, в то время как наука анализирует процессы естественного мира. Возникает вопрос об их точках соприкосновения. Автор утверждает, что они сходны в том, что разрабатываемые ими теории должны быть эмпирически адекватны (хотя эмпирический материал первых касается науки, а вторых – данных о самом мире).

Очень важный момент, который порой упускается при проведении практических исследований по философии науки, состоит в том, что они не должны копировать сами научные исследования, но должны сохранять философскую перспективу. Процесс критической реконструкции релевантного эмпирического материала научной практики при этом должен состоять из четырех этапов: отбор эмпирического материала; интерпретация эмпирических данных; оценка эмпирического материала с целью установления соответствий; взаимное регулирование философских утверждений и эмпирической информации.

Каждый из предложенных автором этапов, как мы рассмотрим далее, скрывает в себе ряд проблематичных с методологической точки зрения моментов. Так, большие объемы доступного эмпирического материала заставляют придерживаться строгих принципов при их отборе. Рассматриваемые примеры должны обладать значимостью для исследований в целом, не только философских, но и научных. Пример должен быть достаточно репрезентативным и зачастую демонстрировать историю успеха. В данной статье в качестве критериев успеха выдвигается упоминание в уважаемых учебниках и широкое обсуждение в профессиональном поле. Однако как мы увидим далее, подобный подход считается некоторыми учеными «злоупотреблением наукой».

Следующий этап работы состоит в разработке философской теории. Когда «философы должны эксплицировать предпосылки, которые ученые подразумевают при проведении экспериментов и выстраивании аргументации, они должны установить связи между, казалось бы, несвязанными утверждениями и концептами, абстрагируясь от нерелевантных деталей, сделать философские выводы из эмпирической информации» [Kaiser, 2019, p. 47].

Третий этап связан с трудностями систематизирования крайне неоднородных данных, производимых наукой. Философ при этом должен критически рассмотреть информацию, которую можно считать «ложной, вводящей в заблуждение, ангажированной» [Kaiser, 2019, p. 48]. При этом закономерно возникает вопрос, достаточно ли у философа профессиональной квалификации в науке, чтобы произвести такой отбор, если в самих научных дисциплинах настоящая проверка достоверности результатов исследования начинается только с момента его публикации. Сами ученые зачастую не могут в оперативном режиме подтвердить или опровергнуть его результаты. Последний, завершающий этап связан с «синхронизацией» абстрактной теории и эмпирических данных.

Объектная нормативность предполагает, что исследуемый объект сам по себе может быть нормативным. Например, в случае анализа эпистемологических и социальных норм и их роли в науке, общественной жизни.

Методологическая нормативность вырастает из нормативных требований, указывающих философам на ценность различных видов эмпирической информации (парадигматические примеры, примеры «успешной науки», непредвзятые и ясные данные), а также на стратегии действия при развитии философской теории (установление соответствия, раскрытие концептуальных связей, игнорирование ангажированных и нерепрезентативных случаев). Метанормативность касается норм, указывающих ученым на ценности информации и стратегии поведения (что можно считать удачными примерами редукции, какие методы предпочтительны). Методологическая нормативность отличается от объектной нормативности тем, что последняя вырастает из норм науки, тогда как методологическая – уходит к нормам философии.

«Злоупотребление» наукой

В статье Ж. Кингсбери и Т. Дэра «Философское использование и злоупотребление наукой» [Kingsbury, Dare, 2017] предлагается другая перспектива для философии науки – с точки зрения проблем самой науки и многочисленных ловушек, в которые могут попасть философы, активно пользуясь результатами научных исследований (в статье проведена строгая демаркационная линия между наукой и философией).

Первая ловушка – это избирательный подход («cherry-picking»), заключающийся в «выборе только тех научных результатов, которые поддерживают разрабатываемую философскую теорию при значительном пренебрежении данными, конфликтующими с ней» [Kingsbury, Dare, 2017, p. 450]. Следующей проблемой становится использование противоречивых научных результатов без их должной проверки, когда крайне спорные идеи из одной области представляются беспроblemными и правдоподобными в другой.

Один из самых сильных аргументов, дающих неожиданно новую перспективу для «кабинетной философии», тот самый принцип *ex cathedra*, который, по мнению Мари И. Кайзер должен быть исключен как метанормативный принцип, здесь оценивается иначе. Представление о том, что только сам факт «научности» теории добавляет ей авторитетности, ложно. Определенные результаты исследований или их публикация в уважаемом издании не придают результатам должной авторитетности. Один из самых вредоносных мифов, по мнению авторов, состоит в том, что ссылка на любые практические научные исследования лучше, чем «кабинетная философия» с присущим ей априорным теоретизированием.

Процесс получения научного знания таков, что множество результатов не будут приняты сообществом. Выводы, сделанные из отдельных экспериментальных данных, могут быть недостаточно

ясными без знания более общего научного контекста или не быть равнозначны выводам альтернативного эксперимента. При этом под вопрос также может быть поставлена используемая научная методология.

Авторы делают сильный акцент на природу философской аудиторией, утверждая, что философы, как правило, общаются с «научно-наивной аудиторией» [Kingsbury, Dare, 2017, p. 458], а если и сами принадлежат к ей, то «легко попадают под впечатление от блестящих результатов, разрешающих философские головоломки» [Kingsbury, Dare, 2017, p. 458].

Философы имеют склонность к злоупотреблению наукой, как и исследователи других областей. Однако «у философов нет оправданий для нерелективного отношения к собственным эпистемологическим практикам» [Kingsbury, Dare, 2017, p. 458]. Науку и философию объединяет их преданность нейтральности как в теории, так и согласно их институциональной организации.

В статье предлагаются практические советы по разрешению данной проблемы. Во-первых, не стоит прибегать к упоминанию научной теории, которая просто вдохновила новую философскую идею, поскольку «этиология идеи не играет роли в ее доказательстве» [Kingsbury, Dare, 2017, p. 459]. Также не стоит использовать научную теорию в качестве предпосылки аргументации. Лучше представить ее как иллюстрацию возможностей, связанных с конкретными философскими разработками. Во-вторых, если все же исследователь решился использовать научную теорию в качестве предпосылки, следует проверить достоверность результатов, добросовестность проводимых исследований, обоснованность выводов, сделанных на основании результатов исследования. Такого рода требования, которые вполне адекватны в самом поле науки, практически не реалистичны для исполнения философами, так как они «не могут быть компетентны в освоении методологии всех научных дисциплин» [Kingsbury, Dare, 2017, p. 460]. Возможным решением становится упрощение задачи до выяснения того, какое отношение к результатам исследования существует в данном профессиональном поле и как они соотносятся с другими результатами схожих работ.

Экспериментальная философия и «защита экспертизы»

Одним возможным выходом на фоне сложностей отношений науки и философии становится экспериментальная философия. Основная ее идея заключается в том, что философы сами должны проводить эмпирические исследования, тем самым разрешая задачу

«приспособления» чужих результатов под свою работу. Однако и тут возникают проблемы. Первая из них: не будет ли философ в большей степени придерживаться своих результатов, не утруждая себя поиском альтернативных, им противоречащих? Вторая проблема состоит в отсутствии у философа навыка проведения эмпирических исследований, что может обернуться некачественным его построением.

Однако же это не все сложности экспериментальной философии. Хамид Сейдсайямдост в своей статье «Философская экспертиза и философская методология» [Seyedsayamdost, 2019], рассматривает взаимосвязь интуитивных суждений (далее также – интуиций) и состоятельности философской экспертизы.

Движение экспериментальной философии продемонстрировало ненадежность философских интуиций. Хотя спор об их роли, в том числе методологической, начался до активного развития данного движения, именно их экспериментальные находки дали новую пищу для размышлений и обратили внимание на проблему философской экспертизы. Проведенные в ее рамках эксперименты показали, что профессиональные философы также склонны к ошибочным суждениям, как и непрофессионалы. Это привело к следующему вопросу: «если интуитивные суждения профессиональных философов так же ненадежны, как и суждения непрофессионалов, где же тогда находится область философской экспертизы?» [Seyedsayamdost, 2019, p. 111].

Одним из контраргументов стала «защита экспертизы», согласно мнению сторонников которой философы проходят профессиональное обучение, анализируют многочисленные философские кейсы, пристально рассматривают релевантные концепты философских сценариев, а значит, их интуиции надежнее обывательских, т. е., они обладают «продвинутыми интуициями». Следовательно, философов можно считать экспертами именно благодаря их «улучшенным интуициям», хотя эксперименты и показали обратное. Тем не менее вкравшиеся сомнения о надежности философских интуиций поставили более масштабный вопрос о природе философской экспертизы, ее существовании, а также разграничениях методологии и экспертизы.

Можно ли рассматривать «интуитивные суждения» в качестве метода философии? По мнению А. Дрожович, «интуиции рассматриваются как важный результат или элемент философской практики, в то время как другие интересные факторы философской практики игнорируются» [цитир. по Seyedsayamdost, 2019, p. 121]. Это внимание к интуициям не может вызывать удивления, ведь, если метод, играющий центральную роль, показывает свою ненадежность, необходимо рассмотреть его возможное ограничение. Тем более что подтверждение его ненадежности влечет за собой следующий

вопрос: «методологический проект, возникший из недавней дискуссии об экспертизе... касается того, насколько другие методы, используемые в философии – аргументация, теории, различения, – обладают качеством интуитивных суждений» [Seyedsayamdost, 2019, p. 125].

Эпистемологический патернализм

Вопрос авторитетности философской экспертизы под иным углом рассматривается в статье М. Кроуса «Эпистемологический патернализм и служебная концепция эпистемологической власти» [Croce, 2018]. Изначально эпистемологический патернализм (далее – ЭП) видится как вредная эпистемологическая практика, которая может лишить свободы, эпистемологической автономности или обеих сразу. Однако в последние годы произошел пересмотр данного феномена. Согласно его положительной трактовке существуют обстоятельства, при которых вмешательство других оправдано эпистемологическим благом этого исследователя. Ключевым вопросом становится то, «кто с рациональной точки зрения уполномочен предпринимать патерналистские действия и в чью пользу они должны совершаться» [Croce, 2018, p. 306]. Нужно заметить, что рассмотрение вопроса связывается с этическими категориями, в том числе категорией добродетели (virtue framework). Первым кандидатом на роль эпистемологического патерналиста становится эксперт. Однако когнитивная экспертиза, по мнению автора, не может стать достаточным основанием для того, чтобы осуществлять ЭП. В качестве примера этого рассматривается математик, который не дает своему ученику воссоздать все этапы решения проблемы Гилберта и без предупреждения оглашает ответ. Тем самым попытка самостоятельного воссоздания пути решения задачи провалена. Таким образом, квалификация еще не говорит о способности быть восприимчивым к эпистемологическим нуждам другого ученого. Второй объект критики – эпистемологическая власть (авторитет) – может помочь в достижении эпистемологических целей, которые некоторый исследователь N не может достичь самостоятельно. Важно заметить, что в данном определении превалирует элемент власти, но не знания. Эпистемологический авторитет необязательно должен быть экспертом в оговоренной области, он просто обладает большим ресурсом (например, информационным). В данном исследовании вопрос эпистемологического патернализма заставляет обратить внимание на области, выходящие за пределы философии и методологии науки, показывает всю значимость этического подхода, сопряженного с необходимостью «чувствительности» к эпистемологическим нуждам

исследователя. Источником такого патернализма при этом может стать не только не эксперт, но даже не эпистемологический авторитет, если оба они не обладают представлениями о эпистемологических запросах исследователя.

Прогресс в философии

В 2013 г. на страницах журнала «Метафилософия» состоялся симпозиум «Современная русская и американская философия во взаимодействии», в котором приняли участие отечественные философы. В центре обсуждения находился вопрос возможности и характера прогресса в философии. Представленные статьи рассматривают вопрос прогресса с различных перспектив и отдельных областей философских исследований.

Так, В.В. Миронов в своей статье «О прогрессе в философии» рассматривает понятие прогресса и его применимость к области философии. Прогресс сложно точно определить, идет ли речь о философии или более материальных и конкретных системах. В науке как области объективированного знания он очевиден и имеет четкую направленность. Однако присущая науке объективация феноменов является как ее сильной стороной, так и главным ограничивающим фактором. В противоположность этому, философия имеет дело не с существованием как таковым, не с миром феноменов, но с их смыслами, зафиксированными в философских текстах. Семантическое поле науки ориентировано на будущее (и в этом смысле прогрессивно). Семантическое поле философии не направлено на будущее как цель. Наоборот, «философия увеличивает количество смыслов внутри себя или разума *per se*» [Миронов, 2013, р. 12]. Прошлое, настоящее и будущее одновременно сосуществуют в рамках философии. Это многообразие в единстве подтверждается тем, что нет ни совершенно устаревших, ни абсолютно новых идей в данной области. Наконец, философия развивается через столкновение смыслов, поэтому не нуждается в прогрессе, в котором что-то неизбежно было бы утеряно.

Проблема редукционизма остро стоит как в науке, так и в философии. В.Г. Кузнецов в статье «Российская феноменология, или Прерванный полет» рассматривает концепцию герменевтической феноменологии Г. Шпета. Раскрывая вопрос природы философии, Г. Шпет утверждает, что современная философия существует в негативной и позитивной формах. Позитивная уходит корнями к Платону, негативная берет начало в критической философии Канта. Последняя, по мнению Г. Шпета, подразумевает скептицизм, основанный на вере в существование мира феноменов и вещей в себе. Согласно негативной философии сознание не может быть адекватным источником

знания, истина же лежит в опыте мира. Скептицизм, согласно Шпету, не является философской доктриной, но психологической суперструктурой, воздвигаемой на основании эмпиризма. При этом основные ошибки негативной философии связаны с заменой объекта его репрезентациями и смешением акта чистого сознания с эмпирическим опытом субъекта. Это ведет к релятивизации истины. Концепция герменевтической феноменологии лежит в основании позитивной философии. При этом герменевтика должна включать семиотические, логические и феноменологические техники, фокусирующиеся на понимании объективного смысла текста. Важно заметить, что язык обладает внешним независимым существованием, он оказывает некоторое давление на людей, был создан одновременно по причине внешней необходимости коммуникации и внутренних потребностей человеческого духа. Язык также в высокой степени определяет развитие духовного мира людей, оказывая влияние на идеологические основания этого мира. Тут проблематика языка сливается с проблематикой сознания. Через понимание и интерпретацию герменевтическая проблематика (в своей новой рационализированной форме) вливается в феноменологическую. В деятельности ума ряд факторов становится частью одного метода, среди них герменевтика, логика, прагматичная телеология и феноменология. «Все они становятся “зеркалами” феноменологически осознанной объективации человеческого гения» [Kuznetsov, 2013, p. 36].

Вопрос прогресса находит ряд разрешений в статье К.Х. Момджяна «Развивается ли современная социальная философия прогрессивно?». Ценностная философия связана с осознанием мира в рамках человеческих нужд, попыток различить добро и зло, ложь и истину. Она имеет дело не существованием как таковым, но смыслами и способами существования человека в мире. Данный вид философии отвечает на второй и третий вопросы Канта: что мы должны делать и на что можем рассчитывать. Рефлексивная философия занимает противоположную позицию и пытается ответить на первый вопрос триады: что я могу знать об этом мире. Здесь не учитываются наши ценностные приоритеты. Связь между двумя видами философии очевидна – чтобы оценить мир, мы должны его сначала познать. Рефлексивная философия имеет наукообразный характер, а потому может быть связана с прогрессом как улучшением. Если можно говорить о прогрессе в ценностной философии, то он происходит за счет увеличения количества альтернативных точек зрения с сопутствующей им базой аргументов. Но может ли гипотетически возможный прогресс стать реальным? По мнению автора, в настоящий момент мы наблюдаем регресс философии. На это существует ряд причин и обстоятельств. Первая из них – антропологический поворот, который «включает попытку десубстанциализации общества». [Momdjan, 2013, p. 22]. Вторая причина – вызов постмодернизма, подвергнувшего

сомнению эссенциалистскую концепцию знания. Третья преграда – стремление превратить социальную философию в полезное знание, прагматизировать ее. Это приводит к ограничениям в рассмотрении фундаментальных философских вопросов.

В.В. Васильев рассматривает проблему прогресса философии в статье «Философия сознания, прошлое и настоящее». Автор утвердительно отвечает на вопрос о существовании такого прогресса, добавляя, что он заключается в «прояснении проблем и отвержении ложных теорий» [Vasilyev, 2013, р. 15]. Важным дополнением в пользу этого становится открытие новых перспектив в знакомых областях наряду с изобретением новых мысленных экспериментов. В.В. Васильев иллюстрирует прогресс философии на примере «mind-body problem» – проблемы связи души и тела, сопоставляя концепции XVII в. с соответствующими современными исследованиями. В XVII в. стратегии в восприятии сознания сводились к основному убеждению о его субстанциальности. Эта мысль наряду с идеями о предустановленной гармонии или окказионализме не выдерживает критики. Сегодня, когда проблема находит более ясные формулировки, появился ряд важных идей. Так, Д. Чалмерс провел различия между легкой и трудной проблемами сознания (первая действительно легко разрешима). Вторая проблема заключается в постановке вопроса о том, как мозговая активность связана с сознанием. Еще более оригинальная формулировка: «Почему мы не зомби?» При этом особенно подчеркивается необходимость рассмотрения этого вопроса с концептуальных, а не экспериментальных позиций. Несмотря на очевидное продвижение в области правильной формулировки вопросов, наблюдаются и некоторые тревожные тенденции аналитической философии. Среди них – чрезмерное увлечение сбором эмпирического материала при скромной разработке концептуальной базы. Другой крайностью становится рост теорий в духе догматической философии, панпсихизма и других спекулятивных теорий. По мнению автора, концептуальный анализ необходимо спасать. Делать это нужно, продвигаясь в область феноменологии. Мы должны говорить не о ментальных и физических феноменах как таковых, а о структуре естественных установок, с которых мы их рассматриваем.

В статье А.А. Костиковой «Постмодернизм: феминистская критика» предлагается еще одна перспектива на прогресс в философии, максимально связанная с актуальной социальной и теоретической повесткой дня – феминизмом. «Феминистское движение не сводится к социо-политической и научной деятельности, но представляет собой широкий теоретический подход к множеству областей» [Kostikova, 2013, р. 24]. Феминизм становится одной из наиболее значимых областей философских исследований. Философия постмодернизма играет двойную роль: с одной стороны, открывает для общестественности новый предмет, до этого скрытый от глаз, с другой –

презентует его совсем иным образом. Наиболее демонстративным примером здесь является один из ключевых терминов теоретического феминизма – гендер. «Использование этого термина вводит новый предмет исследования – отношение между полами в особенном ситуационном и социоисторическом контексте» [Kostikova, 2013, p. 25].

Эволюция, происходящая от философии модернизма и структурализма к постструктурализму, была попыткой уйти от дихотомических образов мира и самой философии. В поисках третьего пути в фокусе оказываются люди, их восприятие мира и сам мир. Все три фактора становятся взаимозависимыми. Проблемы субъективности и самоидентификации, которая может касаться национального, культурного вопроса, аспектов возраста и сексуальности, становятся центральными. Термин «феминный» характеризует становление нового подхода, в котором женское не противопоставляется мужскому, но отрицает такое противопоставление. Феминный «инвариант» отражает сам характер постоянно изменяющегося общества и становится основанием для формирования нового способа конструирования идентичности. Также является примером того, как вопросы, которые невозможно было себе представить в фокусе внимания, задают все новые направления, свидетельствуя об активном не только практическом, но и концептуальном развитии области.

Выводы

Ограниченный объем обзора, с одной стороны, позволяет лишь наметить основные направления, освещаемые в журнале, с другой, делает очевидным масштаб теоретических и практических задач, встающих перед профессионалами в области философии. Нельзя также не обратить внимания на их взаимосвязь. Так, фундаментальные вопросы нормативности подвергаются пересмотру и переопределению в свете «практического поворота» философии науки [Kaiser, 2019]. Сложность использования данных научной практики в философии науки порождает в качестве альтернативы экспериментальную философию [Kingsbury, Dare, 2017], которая ставит под вопрос состоятельность философских интуиций и философской экспертизы [Seyedsayamdost, 2019; Sorial, 2014]. Изменения в философских практиках заставляет переосмыслить такие понятия, как «кабинетная философия», эпистемологический патернализм, и по-новому взглянуть на проблему прогресса/регресса эпистемологического знания [Cling, 2014; Peijnenburg, Aikin, 2014].

Список литературы / References

Cling, 2014 – Cling, A.D. “The Epistemic Regress Problem, the Problem of the Criterion, and the Value of Reasons”, *Metaphilosophy*, 2014, vol. 45, no. 2, pp. 161–171.

Croce, 2018 – Croce, M. “Epistemic Paternalism and the Service Conception of Epistemic Authority”, *Metaphilosophy*, 2018, vol. 49, no. 3, pp. 305–327.

Kaiser, 2019 – Kaiser, M.I. “Normativity in the Philosophy of Science”, *Metaphilosophy*, 2019, vol. 50, no. 1–2, pp. 36–62.

Kingsbury, Dare, 2017 – Kingsbury, J. & Dare, T. “The Philosophical Use And Misuse Of Science”, *Metaphilosophy*, 2017, vol. 48, no. 4, pp. 449–466

Kostikova, 2013 – Kostikova, A.A. “Postmodernism: a Feminist Critique” *Metaphilosophy*, 2013, vol. 44, no. 1–2, pp. 25–28.

Kuznetsov, 2013 – Kuznetsov, V.G. “Russian Phenomenology, or the Interrupted Flight”, *Metaphilosophy*, 2013, vol. 44, no. 1–2, pp. 32–36.

Mironov, 2013 – Mironov, V.V. “On Progress in Philosophy”, *Metaphilosophy*, 2013, vol. 44, no. 1–2, pp. 10–14.

Momdjan, 2013 – Momdjan, K. “Does Current Social Philosophy Develop Progressively?”, *Metaphilosophy*, 2013, vol. 44, no. 1–2, pp. 19–23.

Peijnenburg, Aikin, 2014 – Peijnenburg, J. & Aikin, S.F. “Symposium the Regress Problem: Metatheory, Development, and Criticism. Introduction” *Metaphilosophy*, 2014, vol. 45, no. 2, pp. 139–145.

Seyedsayamdost, 2019 – Seyedsayamdost, H. “Philosophical Expertise and Philosophical Methodology. A Clearer Division and Notes on the Expertise Debate”, *Metaphilosophy*, 2019, vol. 50, no. 1–2, pp. 110–129

Sorial, 2014 – Sorial, S. “The Legitimacy of Pseudo-Expert Discourse in the Public Sphere”, *Metaphilosophy*, 2014, vol. 48, no. 3, pp. 304–324.

Vasilyev, 2013 – Vasilyev, V.V. “Philosophy of Mind, Past and Present”, *Metaphilosophy*, 2013, vol. 44, no. 1–2, pp. 15–18.